

Окказионализмы в очерках В.В. Маяковского

© А.Ю. АСТАФЬЕВ,
кандидат филологических наук

В статье рассматривается экспрессивность новообразований в очерках В. Маяковского. Особо выделяется реализация оценочности с помощью таких слов.

Ключевые слова: лексические новации, окказионализмы, аффиксация, экспрессия, гиперболичность, контекст, номинации, слова-символы.

This article is devoted to expressivity of new growths in V. Mayakovsky's sketches. The realization of various doses of estimation by means of such words is especially allocated.

Key words: lexical innovations, nonce words, affixation, expression, hyperbolic, context, nominations, word symbols.

Проза Владимира Маяковского представлена рядом очерков периода творческой зрелости автора. Общее количество окказионализмов, относящихся к разным частям речи, обнаруженных нами в очерках 1925–26 годов, достаточно велико – более 140. Если появление новообразований в его поэзии определяется ритмикой стиха и рифмой, то в прозе решающим остается желание привлечь внимание и возможность оттенить те или иные значения нового слова средствами словообразования.

Прежде всего обратимся к существенным со значением размера: «Куда ты прешь со своей ананасиной...» [Т. 4. С. 402. Курсив здесь и далее наш. – А.А.]; «К моменту спуска полил дождь, никогда не виданный мною тропический дождина» [Там же. С. 403].

Некая гиперболичность представляемого чаще иронично осмысливается, чем содержит элементы восхваления: «Загорается, конечно, не весь тридцативерстный *Бродвейшце* (здесь не скажешь: заходите, мы соседи, оба на Бродвее)...» [Там же. С. 436]. *Бродвейшце* в паре с узуальным Бродвей указывает не только на большую протяженность улицы, но и на разобщенность проживающих там людей (что видно из контекста). Образ чего-то огромного, давящего представлен с помощью суффикса *-ищ*, что может быть отнесено и к словоформе *газетишца*: «Деловой день (опускаю детали) – все, начиная с Палаты депутатов, с крупнейших *газетишц*, кончая последней консьержкой, стараются над добычей золота... из разных подозрительных бумажек...» [Т. 3. С. 389].

Окказионализмы со значением лица еще более отрицательно окрашены: «Несмышленные *американыиши*» [Т. 4. С. 445]; «орудуют несколько *коктейльщикова*» [Там же. С. 448]; «маскарадный съезд *кланцев*» (имеется в виду Ку-Клукс-Клан. – А.А.) [Там же. С. 456]. Здесь даже без привлечения расширенного контекста явно выражен элемент негативной оценки.

Интересно образование *сотюремники*: «Сынки чикагских миллионеров убивают детей ... и “ненормальные” живут заведующими тюремных библиотек, восхищая *сотюремников* изящными философскими сочинениями» [Там же]. От синонимичного *сокамерники* окказионализм отличается большая степень свободы (в пределах не камеры, а тюрьмы). Это подчеркивает социальное неравенство, существующее и в тюрьмах.

Заметим, что большинство окказионализмов со значением лица представлено в форме множественного числа, что усиливает типичность и иронию: *лефовцы*, *есенинцы* [Т. 5. С. 479]; *талмудисты* [Там же. С. 498]; *марокканцелюбцы* [Т. 3. С. 451] и т.п. Однако встречаются примеры и в форме единственного числа: *чикагец* [Т. 4. С. 460]; *фордовец* [Там же. С. 468] и т.п. В прозе Маяковского не обнаружено примеров, реализующих возвеличивание изображаемого с помощью суффикса *-ец*, в то время как в поэмах такие номинации есть, например, *пролетариа-товодоец* (о В.И. Ленине) и др.

Отрицательное отношение к изображаемому может выражаться и с помощью суффикса *-чик / -щик*-. «200 хозяев и *хозяйчиков* конкурировали, дрались и расхищали нефть...» [Т. 5. С. 460]. Образование *драмщик* выражает максимальное неодобрение по отношению к лицу: «Кокто – бывший дадаист, поэт, прозаик, теоретик, пайщик “Эспри нуво”, критик, *драмщик*...» [Т. 3. С. 409]. *Драмщик* – синоним к слову *драматург*, замена узуальной лексемы на окказиональную продиктована желанием принизить значимость творчества Жана Кокто. Образование *драмщик* удачно перекликается благодаря суффиксу *-щик* со словом *пайщик*, подчеркивая слишком разностороннюю деятельность Кокто.

Немногочисленны, но показательны имена существительные с суффиксами *-ость*, *-ств* со значением состояния. Они тоньше отражают восприятие автором американской жизни: «Дворик усажен всякой цветущей *тропичностью*» [Т. 4. С. 413]; «Начинает становиться модной всякая *туземность*» [Там же. С. 460]; «Вообще в *спортменство* Америки я не верю» [Там же. С. 440]. Заметьте: не *тропические растения*, а безликая *тропичность*; не *участие в соревнованиях*, а типизированное *спортменство* и т.д.

Окказионализм *среднест* с суф. *-ест* говорит о том, что Маяковский-новатор осознал усредненный уровень восприятия своей поэзии: «Надо принять во внимание *среднест* читателя» [Т. 5. С. 496].

Образования с уменьшительными суффиксами *-ишк*, *-ек* / *-ик* выражают отношение к литературному творчеству, к поискам единственного *звучика*: «не хватает какого-то сложка, *звучика*» [Там же. С. 484].

Образования со значением незначительности в примерах: «расслабленный интеллигентский *язычишко*» [Там же. С. 469]; «фельетонный *стилёк*» [Там же. С. 481].

Особой образностью обладают сложные окказионализмы. Они могут отражать нереальные черты, фантастичность изображаемого, как, например, словоформа *людодусь*: «*Людодусь* – существо с тысячевёрстой шеей: ему виднее!» [Т. 3. С. 385]. Автор поддерживает образность этого слова повторами и даже образует от него притяжательное прилагательное *людодусьи* качества. В поэме «Пятый Интернационал» он пишет: «Какой я к этому времени / даже определить не берусь. / Человек не человек, / а так - / *людодусь*» [Там же. С. 60]. Сложение слова *дусь* с основой *люд* посредством интерфикса позволяет добиться не только краткости новообразования, но и изобразительной «емкости».

Аналогичный способ словообразования может содействовать уничижительному оттенку значения окказионализма: «В 1912 году одесские поэты вызолотили для рекламы нос кассирше, продававшей билеты на *стиховечер*» [Т. 4. С. 459]. Литературное мероприятие пренебрежительно именуется *стиховечером*. Для усиления эффекта рядом помещается пафосное *вызолотили*. Нарочитое снижение может проявляться и опосредованно. Так, вновь образованное *человекоптица* (синоним слову *аэроплан*) само по себе не может считаться уничижительным, однако в контексте иронично обозначается как *длинненькая летательная игрушка* [Т. 3. С. 406].

А вот окказионализмы, образованные из двух целых слов, могут восприниматься как слова-символы, причем узнаваемость привычного образа они не нарушают, а лишь содействуют выделению нужных черт: «Замахнулась кулаком с факелом американская *баба-свобода*, прикрывшая задом тюрьму острова Слез» [Т. 4. С. 471]. Величие знаменитой статуи Свободы разрушается не только компонентом *баба* и

названием, написанным со строчной буквы, но и общим грубоватым тоном контекста, в который специально вводятся сниженные слова *зад* и *замахнулась*.

По сути, дважды окказионально сочетание *полупиво-полуводка*: «Его перегоняют в *полупиво-полуводку* – “пулке”, спаивая голодных индейцев» [Там же. С. 408]. Во-первых, соединение двух указанных слов для узуального словообразования не характерно. Во-вторых, префикс *полу-* добавляет указанным лексемам признак неполноценности. Значит, такой «продукт» рассматривается автором как объект осмеяния (ср. с образованиями из поэм: *полупохабщина*, *полумысль* и т.п.).

Изучение около сорока окказионализмов имен существительных позволяет сделать вывод о том, что чаще они наделены негативной оценочностью. Так автор стремится оттенить особенности и противоречия чуждого ему капиталистического образа жизни, передать разнообразие литературной жизни своего времени, отразить постоянную напряженность своего творческого поиска: «Даже готовя спешную *агитвесть*, надо ее, например, переписывать с черновика вечером, а не утром» [Т. 5. С. 484].

Литература

Маяковский В.В. Собр. соч. В 8 т. М., 1968. Указ. том и стр.

Серпухов